

МНОГОМЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Д.А. Широканов

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

Идентичность как социокультурный феномен не является данностью: она формируется в контексте определенных культурно-исторических условий и меняется вместе с ними. Один из важных социокультурных и социально-политических результатов современной системной трансформации белорусского общества – постепенный отказ от универсальной модели идентичности, сформированной в советское время как модель советского человека. Эта модель была наднациональной: в ней были выхолащены любые этнические аспекты; не было в ней и собственно культурных элементов. Она абсолютизировала идеологический и политический аспекты, на которых, собственно говоря, строилась социальная солидарность и идейная сплоченность всего советского народа как новой формы исторической общности. В условиях советского общества данная модель была исторически обусловленной и функционировала адекватно. Однако вместе с крахом политической советской системы была низвергнута и данная модель.

Постсоветское развитие резко изменило структуру идентичности населения постсоветского региона: в каждой республике сформировалась своя композиция идентичностей, зависящая от исторического прошлого, культурных особенностей населения, менталитета народа, а также от ряда глобальных факторов, воздействующих на постсоветский регион независимо от государственных границ (массовая культура, глобальные СМИ, новые информационные технологии, туризм, и др.). Беларусь, как и другие постсоветские страны, подвергается этим множественным воздействиям.

Системная трансформация, связанная с социально-политическими переменами 1991 года, затронула и сферу идентичности: она уничтожила прежнее единообразие и жесткое регулирование развития гражданской идентичности как «советской» и открыла простор развитию разных форм и типов идентичностей. Поначалу некоторыми учеными этот отказ от унифицированной идентичности был воспринят как полный крах системы ценностей и системы идентификации личности и общности. Однако прошло немного лет, и учеными был зафиксирован факт развития многих форм идентичности – как традиционных (этническая, национальная, семейная, религиозная), так и новых для постсоветского общества, строящихся на индивидуальном выборе и позволяющих индивиду и группе позиционироваться в разных плоскостях, открыто заявляя о важности этих критериев и идентичностей (например, дачники, любители фантастики, члены спортивного клуба и пр.) Новые формы идентичности – от индивидуальных до групповых – не связаны с идеологией, как это было в советское время, они не зависят напрямую от тех или иных политических интересов властвующих элит; эти идентичности рефлексировали многообразие интересов населения и конструируются по мере их актуализации. Совокупность складывающихся идентичностей отражает не только социально-экономические статусы и политические взгляды современных белорусов, в ней нашли отражение новые иерархии связей, новые диспозиции тех или иных групп населения, которые включают в себя как временные, так и устойчивые отношения между людьми. Текучесть, динамизм стали важными характеристиками новой системы идентичностей. В этой ее особенности проявляется как постсоветская системная

трансформация, так и влияние глобализации, открытости современного белорусского общества всевозможным внешним факторам, его незащищенность от разнообразных мировых процессов.

Укажем на множественность подходов к формированию национальной белорусской идентичности, которое вызывает многие научные споры, участники которых дают самые разные оценки степени ее сформированности – от сугубо позитивных до негативных. Поскольку конструирование национальной идентичности белорусов не шло по классической модели, созданной в эпоху формирования национальных государств, когда общая территория и язык считались самыми важными признаками государства, определявшими и национальную идентичность, постольку у белорусов национальной идентичности в классической форме исторически не сложилось: они самоопределялись часто по религии, а еще чаще – по территориальному признаку. Национальную (государственную) идентичность заменяла территориально-локальная идентичность «тутэйших». Тутэйшие – жители одной местности, городского или сельского поселения, «малой родины», среди которых могут быть лица любого этнического происхождения, разного гражданства, ведь главное, что их объединяет, – это территория совместного проживания, локальность пространственно-временных связей. Отсутствие (или слабость) национальной элиты и традиционная толерантность населения, веками характерная для данного региона, внесли определенный вклад в этот процесс: вместо национального сознания, столь характерного для россиян, среди населения Беларуси была широко развита локальная, местечковая идентичность, которую принимало все население, проживавшее в том или ином регионе. «Тутэйшими» были и евреи, и поляки, и белорусы, если жили вместе. Ввиду широкого распространения межэтнических браков (за исключением татарского населения), вопрос об этнической идентичности ставился редко, да и этничность зачастую определялась через религиозность: если православный, значит белорус; если католик – то поляк (хотя эти критерии во многих случаях не совпадали, а навязывались «сверху» для упрощения картины).

Известный деятель белорусской культуры А.Мальдис в связи с этим вспоминает, что в его родном местечке в белорусско-литовском пограничье население свободно переходило (в зависимости от необходимости) с белорусского на литовский, а в официальных случаях на польский, и никто не выяснял этнического происхождения друг друга [1]. Данный тип идентичности и сегодня имеет место в странах культурного пограничья, он репрезентирует важность локального уровня идентичности людей, живущих, как правило, на периферии современных наций-государств [2, с.148]. Для многих представителей старшего поколения, живущих в малых поселениях, эта идентичность более актуальна, чем гражданская или этнонациональная: в современной Беларуси, по данным национальных опросов, ее выбирают «часто» около четверти населения. Причем эти процессы имеют место не только в белорусском пограничье: они характерны сегодня для пограничья польского, украинского, литовского [3, с.13; 4, с.102]. Вполне возможно, что в сохранении локальной идентичности проявляется общая закономерность нынешнего этапа социокультурного развития народов, история которых тесно переплетена и до конца непонятна без истории народов-соседей.

Однако локальная идентичность сегодня не доминирует в Беларуси, равно как и в других странах. Формирующаяся активно гражданская форма идентичности, несмотря на ее важность для Республики Беларусь, также не является преобладающей (практически, в исследованиях ее выбирает примерно столько же респондентов, что и локальную идентичность). Можно сказать, что имеет место «конкуренция» типов иден-

тичности, их взаимопереплетение, так что трудно бывает определить, какая же идентичность (из тех, что принадлежат большим социальным группам и не связаны с полом и возрастом) превалирует. Нынешняя ситуация многосторонности и многообразия идентификаций может рассматриваться как «конкуренция» идентичностей, при которой, однако, идентичности не борются за доминирование, не вытесняют друг друга из социокультурного поля, а сосуществуют. Иногда тот или иной тип идентичности получает чуть больше «выборов», но общая картина практически не меняется: в Беларуси имеет место плюрализм и динамизм идентичностей.

Таким образом, в современной Республике Беларусь сформировалась и продолжает набирать силу модель множественной идентичности. Все многообразие складывающихся видов и форм групповых идентичностей может быть интерпретировано и понято в рамках их социокультурной репрезентации разных сегментов населения и его интересов.

Конечно, не все существующие виды идентичностей равно представлены среди белорусского населения: в сельской местности преобладают одни виды (локальная, территориальная), в городе – другие (здесь более развита политическая, социально-статусная, европейская и др.). Есть разница поколенческого характера: старшее поколение чаще других возрастных групп сохраняет советскую идентичность, тогда как молодежь больше проявляет европейскую, гражданскую идентичность. Традиционная гендерная разница также сохраняется: как правило, для женщин намного более значима, чем для мужчин, религиозная идентичность, женщины чаще выбирают собственно культурные виды идентичности (такие, как читатели, покупатели, любительницы определенных видов отдыха). Зачастую одни виды идентичностей вступают в противоречие с другими, однако население, делая многие «выборы» не на рациональной основе, а с опорой на культурное наследие, политическую конъюнктуру, глобальные факторы (например, Интернет), не задумывается об этой противоречивости. Даже в таких важных вопросах, как национальное самоопределение, имеют место существенные несогласованности: например, две трети белорусов признают, что белорусы, русские и украинцы – три ветви одного народа, однако намного меньше согласны объединяться с россиянами в единое государство [5]. Видимо, современное массовое сознание, поддерживающее те или иные типы идентичности, не церемонится с тем, чтобы они составляли логически стройную систему. Типичным для эпохи позднего модерна образом это сознание отвергает всякую простоту и унифицированность, допускает всевозможные варианты и комбинации идентичностей.

Данные национального белорусского мониторинга (2008), проведенного Институтом социологии НАН РБ, подтверждают, что белорусская идентичность является многосторонней, ни одна большая идентификационная группа не доминирует [6, с.299]. В рамках плюралистической модели сосуществуют разные идентичности, которые имеют практическую или символическую значимость для разных сегментов белорусского населения. Судя по этим данным, более половины населения Беларуси в той или иной степени рефлексировало свою национальную принадлежность, свою гражданственность, как и принадлежность к определенному городу, территории, профессиональной группе, религиозной конфессии. Еще больше людей ощущают себя членами своей семьи, гендерной группы, своего поколения. Все вместе это создает мозаичную картину разнообразия видов идентичностей, одни из которых являются социально значимыми, другие – только личностно значимыми. Тем не менее, в практическом сознании людей, эти идентичности синкретичны, неразрывны.

Таким образом, конкуренция идентичностей в Беларуси, как и во всем мире, идет под влиянием многих векторов. Она отражает политические установки властей, отношение к стране в регионе, ее местоположение в миросистеме, а также ее историю, культуру, уровень развития национального самосознания и др. Видимо, Беларусь, которая исторически отличалась культурным многообразием и толерантностью, будет проявлять эти качества и в отношении растущего многообразия идентичностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальдис, А.И. О главной болезни нации // Режим доступа: <http://www.bdg.org> – Дата доступа: 03.03.2006.
2. Jasinska-Kania, A. Zmieniajace sie identyfikacje Europejczykow: globalne, europejskie, narodowe, regionalne i lokalne // Globalizacja i co dalej. – W-wa, 2004.
3. Sadowski, A. Problemy społeczne w perspektywie socjologicznej // Społeczne problemy miejscowości północno-wschodnich w procesie transformacji. – Białystok, 2001.
4. Białspamiatnych, M. Regional Identities in Contemporary Eastern Europe; Belarusian-Polish-Lithuanian Borderlands: Phenomenological Analysis // Limes. – Vilnius, 2008. – Vol.1. – No.2.
5. Что такое быть беларусом? – Режим доступа: <http://www.liseps.org/press12.html> – Дата доступа 21.2.2010.
6. Титаренко, Л.Г. Перспективные модели развития национальной идентичности белорусов // Системная трансформация общества: исторический опыт, современность, перспективы: Сб.науч.трудов. Вып.6. – Брест: БрГТУ, 2009.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Я.С. Яскевич

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь

В современном мире продолжается уточнение сути, принципов, ценностей демократии, ее процедур и значимости, высказывается тезис об общем кризисе демократии, содержательном наполнении понятия «суверенная демократия», в том числе и в плане международного права, фиксирующего суверенность национального государства в пределах любых объединений, союзов, что чрезвычайно актуально именно сегодня. Поскольку суверенитет – это, по существу, и есть самостоятельность, самоправомочность государства и большинства его населения, то он напрямую касается демократии, а потому и нарушение суверенитета особенно болезненно сказывается в случае «импорта» и насаждения «готового демократического продукта», вопреки демократической воле народа, рождая хаос и недоверие к демократическим реформам, возникновение национализма, этнических конфликтов и даже войны.

В аналитических подходах о переоценке ценностей демократии, отмечают растущий критицизм в адрес демократии западного (европейского, американского) образца и усиливающееся недоверие населения разных стран мира, включая страны Европы, к либеральным ценностям и моделям демократического развития. Тенденции сужения базы демократии, ее «удушения» (Б. Барбер) проявляют себя в таких процессах, как недовольство широких слоев населения «опустошением» демократии,